

Многие интересные пьесы этого года написаны молодыми авторами. С произведениями людей, недавно пришедших в литературу, связаны поиски новых тем, смелое, принципиальное изображение действительности. Очень важно подумать о закреплении этих успехов, о дальнейшем росте молодых драматургов.

Ведь иногда бывает и так. Молодой драматург пишет интересную пьесу. Ее восторженно встречают, говорят о «многообещающем даровании», об «огромном запасе жизненных наблюдений», издают большими тиражами, ставят на столичной сцене. Но вот следующее произведение того же автора неожиданно оказывается слабее. Наконец, еще одна пьеса, и тоже неудачная. И уже те, кто кричал о «многообещающем даровании», начинают шептать о «случайной вспышке», уныло произносят: «Драматург иссяк».

У нас есть молодые авторы — Николай Винников, Валдим Собко, в творческих биографиях которых пьесы, принесшие первый успех, остались единственным крупным достижением.

В чем же дело? Неужели эти драматурги оказались «талантами на час», неужли их творческого заряда хватило на один выстрел? Думается, что это не так. Имеются причины, помешавшие сформироваться и выйти на верный путь их серьезным дарованиям.

В этих причинах нужно разобраться и не только ради названных авторов, но и во имя той многочисленной молодежи, которая успешно входит сейчас в «большую драматургию».

Несколько лет назад появилось одно из первых произведений Н. Винникова — «Степь широкая». Это была пьеса с широкой постановкой проблем, с глубокими мыслями и напряженными конфликтами.

Новые взгляды выступали против устоявшихся предрассудков. И Н. Винников смело показывал трудность этой борьбы, не скрывая ее издержек. Жизнь неприкрашенная, люди неприфранченные вставали со страниц пьесы. Искренний, чистый голос автора «Степи широкой» сразу стал слышен. От Винникова ждали многого. И его следующая пьеса «Чаша радости» во многом оправдала эти ожидания. В ней ясно проявилась новая черта дарования Винникова — масштабность, способность создавать большие массовые сцены, испоненные кипучей жизни, эпического размаха.

И все же, несмотря на достоинства «Чаша радости», пожалуй, именно она явилась первым шагом драматурга по неверной тропе. Теперь, после новых пьес Винникова, это видно особенно ясно. В «Чаше радости» появилось то, что можно назвать упрощенным, поверхностным взглядом на жизнь. Ее герои во многом утерли определенность, резкость черт, стали литературно обтекаемыми. Инженеру Хмелеву было уже далеко до журналиста Стрелета из «Степи широкой» и по глубине мыслей и по многогранности характера. А главное — он слишком легко всех убеждал в правоте своего дела и достигал победы. Это было самое опасное. Заглавие пьесы «Чаша радости» явилось не только поэтическим наименованием водохранилища, но и определило в основном атмосферу того мира, в котором жила герои, — мира слишком безоблачного и розоватого.

Откуда такое различие между двумя пьесами Винникова? Неужели его взгляды на жизнь менее чем за год претерпели такое серьезное изменение?

Конечно, нет. В «Чаше радости» Винников пошел на компромисс со своими творческими убеждениями, поддался влияниям «теории» бесконфликтности. Между прочим, одна из причин распространения этой «теории» заключалась в том, что, следуя ее канонам, «делать» пьесы было проще, употребляя только два цвета — белый и черный, или даже один розовый, обходя реальную сложность человеческих характеров.

Винникову куда проще и спокойнее было вывести благополучных, чистеньких героев «Чаша радости», чем создать сложных, полчас трудные характеры, наподобие тех, которые были в «Степи широкой».

И вот его последнее опубликованное произведение — «Именем нашей правды». Здесь особенно ясно видно, как драматург избегает решения серьезных задач, острых проблем, ограничивается безопасными нейтральными темами.

Винников пытается показать широкую картину жизни советского города. Его жители залечивают раны войны, строят школы, жилые дома, самоотверженно работают. В описании Винникова жизнь их выглядит идиллически гладко. Автор не только боит-

ся ввести в пьесу острый конфликт, но старательно обходит даже мелкие подвожные камни недоразумений и разногласий.

Учительница Бронникова возражает против проекта восстановления школы, в котором забыт школьный сад, — автор проекта и секретарь горкома мгновенно соглашаются с Бронниковой. Вот молодой влюбленный инженер обижается на секретаря горкома за то, что тот, сам засиживаясь сутками, задерживает на работе любимую им девушку. Здесь бы развернуть хоть шуточное, а может быть, и серьезное столкновение. Но все опять моментально улаживается. Начинается спор о методах воспитания детей, но и он повисает в воздухе.

Даже в «Степи широкой», лучшей пьесе Винникова, ощущалась некоторая эскизность, недоговоренность в обрисовке ряда персонажей. Казалось, что этот недостаток драматургического мастерства должен исчезнуть. Но в «Чаше радости» он стал еще более заметен и разросся до предела в последней пьесе. Винников не то что прошел, а пробежал мимо героев «Именем нашей правды». Он называет, а не раскрывает их. Отказавшись от анализа жизненных противоречий, от решения больших задач, Винников утрачивает возможность глубокого познания людей. Его персонажи превратились в схемы: благородной учительницы, наивного влюбленного, хорошего секретаря горкома. В них нет той «силы сопротивления» жизненного материала, которая предохраняет художника от избитых ходов.

Так Винников сошел к драмателю, к штампу.

Дистанция огромного размера лежит между второй и третьей пьесами. Кажется, разные люди являются их авторами. Но это закономерный итог отсутствия смелости и творческой зыскательности.

В отличие от Винникова судьба Валдима Собко внешне сложилась удачно: пьесы его идут на сценах многих театров. Однако по существу его творческий путь напоминает развитие Винникова.

Собко вошел в драматургию очень уверенно, по-хозяйски. Уже его первая пьеса «За вторым фронтом» была отмечена профессиональным мастерством, в ней ясно определялась отличительная черта дарования Собко — органическое сочетание яркой публицистичности с глубокой проникновенностью психологических характеристик. Гневно и прямо говорил писатель о вероломстве и торгашестве англо-американских союзников, во имя прибыли ставивших под удар своих и чужих солдат.

Как беспощадно правдиво и психологически тонко раскрывал драматург обитателей дома Кросби — весь этот мир чопорных манер, ханжеских улыбок и ненавидящих глаз! И еще одно качество Собко проявилось в этой пьесе — хорошее чувство сцены, во многом определившее популярность его произведений на театре.

«Жизнь начинается снова» — так назвал Собко свою следующую пьесу о послевоенной Германии. Строго и сильно звучали вступительные сцены: первые дни после победы — разбитая, подавленная Германия, со страхом и надеждой ждущая решения своей судьбы. В этой напряженной и смутной обстановке первого акта резко вырисовывалась своеобразная фигура Греты Норман, большой немецкой актрисы, отвергнувшей Гитлера, но и не понявшей пока смысла его поражения, ялуптавшейся в сложном переплете чувств — ненависти к рухнувшему режиму и недоверия к его разрушителям.

В борьбе за Грету Норман, за ее будущее развивалось действие пьесы. Масштабность замысла, интересно найденная атмосфера первых картин, великолепная по психологической глубине разработка образа Греты Норман — все это еще раз убеждало в талантливости Собко. Однако многое в пьесе заставляло насторожиться. Пьеса «За вторым фронтом» была населена живыми людьми с определенными биографиями и характерами. Собко одинаково тщательно отделял каждый образ. Читатель представлял не только будущее центральных персонажей — Тани Егоровой или Джен Кросби, но и угадывал судьбу эпизодического лица — британского офицера Антони Стаффорда, изверившегося в честности своего правительства. Рядом с тщательно выписанным, живым, полнокровным образом Греты Норман в пьесе «Жизнь начинается снова» находятся картонные, безликие фигуры. Однако безжизненны и схематичны и гестаповец Шредер, и антифашист Рихтер, и майор Славин, и рабочий Берг. И это не следствие неверных установок, как у Винникова, — здесь просто проявились небрежность

и поспешность. У любого талантливого писателя могут быть срывы, спорные, в отдельных случаях даже явно неудачные образы. Но когда в пьесе появляется целая группа персонажей очень «правильных» по своим сюжетным обязанностям, но лишенных всякого намека на характер, лишенных жизненных, бытовых подробностей, и люди эти произносят монологи, которые понадобились автору, то это уже не случайный срыв, а признак незыскательности, легкого отношения к искусству.

Пьеса «За вторым фронтом» отличалась исключительная гармония между образами и сюжетом. В пьесе «Жизнь начинается снова» ситуации постепенно подавляют характеры. Пьеса теряет большую тему. В последнем акте даже колебания Греты Норман носят нарочитый характер, всецело подчиняясь детективным мотивам.

Подобный процесс происходит также в «Счастье Трофима Корчака» — следующей пьесе Собко, поднимающей интересную тему переделки индивидуалистического сознания под влиянием социалистической действительности. Начало многообещающее. Помотавшийся по белу свету в поисках заработка, уже немолодой сталевар Трофим Корчак решает подработать в последний раз — поехать к брату Степану на советский завод.

Драматург намечает образ человека крутого, неуступчивого, твердо стоящего на своих жизненных позициях. С нетерпением ожидаешь его столкновения с новым миром, с иными взглядами. Но постепенно пьеса тускнеет, действие вянет и гаснет. А причина та же: еще более усилившееся тяготение к легкому, поспешности и небрежности. Собко ставит крупную тему, а решает ее компромиссно, мелко. Процесс перерождения Трофима он подменяет показом результатов этого перерождения. Кропотливую, трудную работу создания живых человеческих характеров автор желает компенсировать обыгрыванием комических ситуаций, введением производственных разговоров.

Боязнь трудностей, стремление к легкому успеху — пожалуй, самое опасное сейчас для Собко. Оно мешает ему овладеть новыми вершинами в искусстве, ограничивает творческие возможности, обедняет талант. А ведь даже в малоудачной в целом пьесе «Счастье Трофима Корчака» намечались новые возможные пути для драматурга. Когда читается сцену прощания Марии Корчак с родственниками, буквально слыша этот ехидно-утиный голос, благодарящий за конверт с 40-копеечной маркой, ясно становится, что перу Собко подвластны не только политические, но и бытовые темы, что есть в его палитре яркие сатирические и жанровые краски и можно представить его автором злой сатирической пьесы, скажем, о душевной мешанкей семье, «поставляющей» обществу пролаз, рвачей и подхалимов.

Но, «ожегшись» на новом материале, Собко решил написать приключенческую пьесу о подрывной деятельности американских агентов в странах народной демократии. Разумеется, можно было бы только приветствовать хорошую пьесу этого жанра. Но пьеса «Сто миллионов», написанная Собко вместе с Б. Балабаевым, — плохая вещь. И не потому, что не вполне самостоятелен ее основной сюжетный мотив, во многом повторяющий «Жизнь в цитадели», но прежде всего из-за того, что в пьесе нет людей, а имеется своеобразный ассортимент штампов, имитирующий этих людей: и старик профессор, конечно, бодрый и молодой, и его жена, верная, скромная спутница жизни, и горячая, порывистая дочь, и, наконец, шпион, ведущий себя предельно неумно.

Как уже отмечалось, внешние достижения Собко не вполне соответствуют его внутреннему развитию. Скажем, его последняя пьеса «Сто миллионов», написанная со знанием сцены, рассчитанная на небольшое количество действующих лиц и несложные декорации, была поставлена в ряде театров. Но успех этот опасный. Он заставляет вспомнить гоголевский «Портрет» и шумную славу молного художника, погубившую талант Чарткова.

Разбирая творчество Н. Винникова и В. Собко, видишь, что сущность их творческих неудач общая. Это неудачи людей, забывающих, что в искусстве нет спокойных и легких путей, забывающих о своем праве и долге первооткрывателей.

Хочется надеяться, что Винников и Собко освободятся от плена штампов и дешевых приемов, выйдут на широкий путь смелого, бескомпромиссного следования правде жизни.